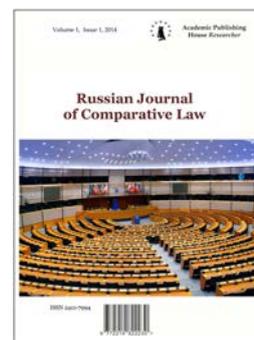

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-7994
Vol. 1, Is. 1, pp. 8-11, 2014

DOI: 10.13187/rjcl.2014.1.8
<http://ejournal41.com>

UDC 341.01

Implementation of the International Humanitarian Law in Canada

Pavel V. Dontsov

Voronezh State University, Russian Federation
PhD of legal science, Associate professor
E-mail: paveldontsov@yandex.ru

Abstract

The author concluded in the research that Canada is using two implementation models while implementing international treaties: “transformational” and “adoptional”. In the sphere of human rights law Canada applies concept of the direct application of international law and also uses incorporation mechanism of multilateral conventions implementation. In both models used by Canada for implementation of multilateral treaties and agreements with international organizations Canada applies the following forms: “rapid implementation”, “direct implementation” and “direct usage of rule”.

Keywords: Canada, forms of implementation, law of human rights.

Введение

Канада использует две модели реализации норм международного права, первая – трансформационная (имплементационная) и вторая – адопционная (инкорпорационная) [2. Р. 42-43; 9. Р. 251, 261-262].

Материалы и методы

Основным источником для написания данной статьи стали универсальные конвенции в области защиты жертв войны, законы Канады инкорпорационного характера, реализующие нормы международного гуманитарного права, материалы научных журнальных и монографических публикаций. В ходе исследования использовались общенаучные и частный (формально-юридический) методы.

Обсуждение

«Трансформационная» модель носит дуалистический характер. Согласно этой концепции, норма международного права не может иметь действие внутри страны, пока не «трансформируется» во внутригосударственную правовую норму. В рамках «трансформационной» модели международное право не имеет прямого воздействия на внутригосударственную правовую систему. Внутригосударственная система создает новую правовую норму, которая отражает международно-правовую норму. «Трансформированная» правовая норма сохраняет юридическую силу.

Такой подход считается дуалистическим, поскольку сохраняет способность принимающей правовой системы отклонять или преобразовывать юридическую силу

международно-правовой нормы во внутригосударственной правовой системе так, как считает нужным [10. С. 11]. Таким образом, осуществляется внутренний контроль содержания внутригосударственного права.

«Адопционная» модель выстроена так, что нормы международного права автоматически являются частью внутригосударственного правопорядка и входят в состав структуры правовых норм, имеющих прямую юридическую силу для субнациональных акторов (физических и юридических лиц). Этот подход является монистическим в том смысле, что изменения международного права автоматически и *ipso jure* влекут за собой изменения внутригосударственного права в действительности. С этой точки зрения, международное право является внутригосударственным правом.

Канадская правовая система поддерживает и применяет обе модели. В различных конституционных документах нет четко сформулированного положения, диктующего характер взаимодействия международного и внутригосударственного права, в связи с чем эти правила вырабатываются в процессе судебного правоприменения.

Подавляющее большинство канадских юристов всё же отстаивают дуалистическую позицию в вопросе разделения международного и внутреннего права [8. Р. 177]. По их мнению, международные нормы не являются самоисполнимыми, а международное право не презюмируется как часть внутреннего канадского права. Для того, чтобы обрести юридическую силу, международные обязательства должны быть включены во внутренне право посредством «благожелательного отношения» или имплементационного законодательства.

Характеризуя механизм реализации международного права, следует учитывать, что канадское внутреннее право имеет особенности, содержание которых обусловлено тесной исторической связью с британской монархией и английской правовой традицией.

Британский монарх, согласно правовому обычаю, обладал широкими дискреционными полномочиями власти (королевской прерогативой), охватывающими все три ветви власти: судебную, законодательную, исполнительную. На сегодняшний день королевскую прерогативу можно назвать специальным элементом исполнительной власти Канады, которую она вправе использовать, например, в сфере иностранных дел. Среди них и прерогатива по ведению переговоров и ратификации договоров [5. Р. 424; 7].

Именно этой особенностью канадского права (исполнительная власть имеет право заключать международные договоры, но не вправе принимать или изменять внутригосударственное право), объясняется необходимость трансформировать договорные обязательства, прежде чем они смогут иметь внутригосударственную силу.

Этим предопределено и существование в современной правовой системе Канады потенциального конфликта международных норм, надлежащим образом принятых исполнительной властью, но не введённых в действие компетентными внутригосударственными законодательными органами власти из-за отсутствия полномочий Короны влиять на изменение внутреннего законодательства. При данных обстоятельствах Канада неизбежно рискует нарушать свои международно-правовые обязательства перед другими государствами, подпадая под действие международной ответственности или санкций. Упомянутый конфликт не перерастает в реальный только по причине отказа Короны *de-facto* от реализации королевской прерогативы.

Что касается форм реализации международного права в национальной правовой системе, то канадские учёные используют, как правило, два термина, обозначающие эти процессы: 1) «to implement» – осуществлять, 2) «to incorporate» – включать. При этом, не будучи склонными к терминологическим спорам, они употребляют их зачастую в тождественном значении [3. Р. 95].

Исследование многосторонних договоров Канады показало, что формы их реализации можно классифицировать по способу отображения содержания международной нормы во внутренней правовой системе:

1. «Экспресс-реализация». Наиболее эффективной формой осуществления международного права является принятие в соответствии с требованием международного договора актов национальной правовой системы, содержащих нормы, аналогичные международным (здесь учёные обычно используют глагол «to implement»). В этом случае канадское законодательство гарантирует исполнение этих норм мерами национальной

правовой защиты. В канадском праве можно также встретить акты, содержащие в себе тексты международных договоров в полном объёме без всяких изменений. Например, Закон Канады о Женевских конвенциях. Законом предусматривается, что каждый, кто совершает тяжкие преступления (например, пытки, умышленное убийство), является виновным в совершении преступления и подлежит пожизненному тюремному заключению. Таким образом, лицо, нарушающее этот закон, будет подлежать уголовной ответственности в том же порядке, как лицо, которое нарушило Уголовный кодекс. И здесь юристы употребляют термин «to incorporate».

2. «Косвенная реализация». Косвенной реализацией канадские учёные называют применение судами национального законодательства, по своему содержанию не противоречащего нормам международного права, в связи с чем последние не нуждаются в процедуре имплементации.

Например, многие положения Хартии о правах и провинциальном законодательстве в области прав человека имеют такое же содержание, как нормы международного гуманитарного права. Осуществляя защиту прав человека, канадские суды применяют нормы национального права. Однако при этом соблюдается (косвенно реализуется) и международное право.

3. Проблема прямого действия международного права исследовалась на диссертационном уровне отечественными учёными [10], а также активно дискутируется канадскими правоведами. Большинство из них склоняются к мнению, что таким действием обладают только нормы международного гуманитарного права [4]. Ими даже предлагается рассматривать механизм его реализации отдельно от всего международного публичного права, так как нормы этой отрасли имеют прямое действие, применяются судами непосредственно, независимо от наличия имплементационных актов Канады или канадской провинции.

Вместе с тем отдельные акты международного гуманитарного права были введены в канадскую правовую систему посредством инкорпорационного законодательства. Например, Женевские конвенции 1949 года стали частью внутреннего права страны при помощи Закона о Женевских конвенциях 1985 года [6], согласно которому любое лицо, подозреваемое в совершении преступления, упомянутого в Конвенциях, может быть привлечено к уголовной ответственности любым территориальным органом вне зависимости от того, находится ли это лицо в Канаде или нет, и понести наказание, таким же образом, как если бы преступление было совершено внутри страны. Закон также устанавливает конкретные виды и размеры наказания за совершение преступлений, предусмотренных Конвенциями. Приложениями к Закону и его неотъемлемой частью являются сами Женевские конвенции 1949 года.

Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении 1997 года была реализована посредством принятия Закона об имплементации Конвенции о противопехотных минах 1997 года [1]. Закон содержит порядок изменения внутреннего законодательства Канады, а также нормы прямого действия, устанавливающие виды и размеры наказания за совершение правонарушений, установленных Законом и Конвенцией.

Заключение

Канада разделяет концепцию прямого действия норм международного гуманитарного права. Кроме того на примере многосторонних договоров о защите жертв войны видно, что также используется инкорпорационный механизм реализации норм гуманитарного права.

Примечания:

1. Anti-Personnel Mines Convention Implementation Act S.C. 1997, с. 33 // URL: <http://laws.justice.gc.ca/eng/acts/A-11.5/FullText.html>.
2. Brownlie I. Principles of Public International Law, 6th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2003.
3. Currie J.H. Public international law. – Ottawa, 2008.

4. Currie J.H. International Treaties and Conventions as Agents of Convergence and Multijuralism in Domestic Legal Systems // A. Breton et al., eds., *Emergence and Evolution of Multijuralism* (forthcoming).
5. Dicey A.V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*, 10th ed. – London: Macmillan, 1964.
6. Geneva Conventions Act R.S.C., 1985, c. G-3 // URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/G-3/page-1.html>.
7. Gotlieb A.E. *Canadian Treaty-Making*. – Toronto: Butterworths, 1968.
8. Kindred H.M. *International Law chiefly as Interpreted and Applied in Canada*, 1993.
9. Vanek C. Is International Law Part of the Law of Canada? // 8 U.T.L.J. (1949-50).
10. Бирюков П.Н. Юридический механизм реализации в СССР норм международного гуманитарного права. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Казанский государственный университет. – Казань, 1991.

References:

1. Anti-Personnel Mines Convention Implementation Act S.C. 1997, c. 33 // URL: <http://laws.justice.gc.ca/eng/acts/A-11.5/FullText.html>.
2. Brownlie I. *Principles of Public International Law*, 6th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2003.
3. Currie J.H. *Public international law*. – Ottawa, 2008.
4. Currie J.H. International Treaties and Conventions as Agents of Convergence and Multijuralism in Domestic Legal Systems //n A. Breton et al., eds., *Emergence and Evolution of Multijuralism* (forthcoming) (copy on file with author).
5. Dicey A.V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*, 10th ed. – London: Macmillan, 1964.
6. Geneva Conventions Act R.S.C., 1985, c. G-3 // URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/G-3/page-1.html>.
7. Gotlieb A.E. *Canadian Treaty-Making*. – Toronto: Butterworths, 1968.
8. Kindred H.M. *International Law chiefly as Interpreted and Applied in Canada*, 1993.
9. Vanek C. Is International Law Part of the Law of Canada? // 8 U.T.L.J. (1949-50).
10. Biriukov P.N. *Yuridicheskij mexanizm realizacii v SSSR norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava*, Avtoref. diss... kand. jurid. nauk. Kazanskij gosudarstvennyj universitet. – Kazan, 1991.

УДК 341.01

Реализация международного гуманитарного права в Канаде

Павел Владимирович Донцов

Воронежский государственный университет, Российская Федерация
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: paveldontsov@yandex.ru

Аннотация. Автором обосновывается вывод о том, что Канада использует две модели имплементации международных договоров: трансформационную и адопционную. В сфере международного гуманитарного права Канада использует концепцию прямого действия норм международного договора, помимо этого используется механизм инкорпорации многосторонних договоров. Независимо от модели имплементации многосторонних международных договоров и соглашений, заключённых между Канадой и международными организациями, могут быть использованы следующие формы реализации в национальном праве: «экспресс-реализация», «косвенная реализация», «прямое действие».

Ключевые слова: Канада, формы имплементации, международное гуманитарное право.